

Глава 9

При мысли о старшем сыне Цзи Чжицю вдруг охватило волнение, какое бывает перед первой встречей со знакомым из интернета.

В период своей амнезии он непонятно с чего превратился в одержимого романтика. Влюбившись с первого взгляда, он пустился во все тяжкие, чтобы разузнать о предмете своей страсти, и после долгих усилий выяснил, что у того была рано умершая возлюбленная, «светлая луна его сердца», на которую он, Цзи Чжицю, был чем-то похож.

Влюбленные, как известно, умом не блещут. Ему в голову пришла гениальная в своей глупости идея — выдать себя за ту самую покойную любовь. А чтобы ложь выглядела убедительнее, он усыновил ребенка, представив его плодом их несуществующей любви.

Столь неуклюжий обман, разумеется, был обречен на провал, но факт усыновления уже стал неоспоримой реальностью. К счастью, хоть он и был глупцом, остатки совести у него все же имелись, и он не бросил ребенка, не вернул его обратно в приют.

После своего «побега с ребенком на руках» он посвятил все свое время и внимание Цзи Яньяню. Его пристрастность была оглушительной. Он совершенно пренебрегал чувствами Цзи Цзышэня, а избалованный донельзя Цзи Яньянь постоянно задирали старших братьев. Цзи Чжицю же в этих ссорах всегда принимал сторону младшего, что лишь усугубляло разлад между отцом и сыновьями, и между самими братьями.

С Цзи Яньянем он еще справлялся. Характер и мировоззрение трехлетнего ребенка только формировались, и при должном усердии и терпении можно было выправить этот уже начавший кривиться росток.

Но его старший сын, Цзи Цзышэнь, был совсем другим случаем.

Цзи Цзышэнь вырос в приюте, слишком рано познав человеческое безразличие и жестокость мира. Позже, благодаря своей милой внешности, его несколько раз усыновляли, но ему отчаянно не везло — приемные родители оказывались дурными людьми и втайне издевались над ним.

Выживая в таких условиях, Цзи Цзышэнь был вынужден повзрослеть раньше времени. Хотя ему было всего девять, он от природы был умен и не по годам развит.

Словно душа взрослого человека, запертая в теле ребенка, он был полон противоречий. Он ненавидел всех взрослых, но отчаянно стремился стать независимым и самому вершить свою судьбу. Однако, ограниченный своим детским телом, он мечтал поскорее вырасти и стать одним из тех отвратительных «взрослых». Это искажало его психику, заставляя идти на любые ухищрения ради достижения цели. Он виртуозно манипулировал взрослыми, заполняя этим зияющую пустоту в своей душе.

Думая об этом, Цзи Чжицю тяжело вздохнул.

Его собственная жизнь до сих пор складывалась на удивление гладко, без серьезных потрясений. Он принадлежал к той породе людей, у которых в глазах плещется кристально чистая глупость. Ему, пожалуй, не совладать со своим старшим сыном, который был маленьким дьяволенком в ангельском обликии.

Цзи Яньянь, не замечая отцовских переживаний, думал только об играх. Он подошел и подергал Цзи Чжицю за штанину.

— Хочу кататься на лошадке.

Цзи Чжицю погладил его по голове.

— Хорошо, но в другой раз. Папе нужно встретить твоего старшего брата.

Цзи Яньянь нахмурился и сердито надул щеки.

— Не хочу его, он мне не нравится!

Родители — первые учителя для своих детей, и его предвзятость, несомненно, повлияла на Цзи Яньяня.

Это влияние было подспудным, и исправить его в одночасье было невозможно. Цзи Чжицю присел на корточки и серьезно посмотрел на сына.

— Яньянь, почему тебе не нравится старший брат?

Цзи Яньянь надул губки, пуская пузыри, и что-то невнятно пробормотал.

Цзи Чжицю, прекрасно зная, как задеть самолюбие маленького тирана, вздохнул.

— Как ты думаешь, все любят Яньяня?

Цзи Яньянь важно кивнул и, обхватив пухлыми ручонками лицо, самодовольно вильнул попой.

— Яньянь такой милый, как меня можно не любить?

Цзи Чжицю легонько щелкнул его по носу.

— А как ты думаешь, старший брат тебя любит?

Этот вопрос заставил Цзи Яньяня задуматься. Его личико сморщилось от напряжения.

Цзи Чжицю подсказал ему ответ:

— Яньянь, если ты хочешь, чтобы все тебя любили, ты тоже должен их любить. Любовь должна быть взаимной, только тогда она будет долгой.

Для Цзи Яньяня это было слишком сложно. Он лишь захлопал большими глазами.

— Значит, я должен любить старшего брата? Но ведь это ты, папа, говорил, что он отбирает у меня вещи.

От последних слов Цзи Чжицю залился краской. Его захлестнуло такое чувство вины, что захотелось отвесить себе пощечину.

«Цзи Чжицю, каким же ты был подонком!»

Он глубоко вздохнул, чтобы хоть как-то совладать с собой, и произнес предельно строгим тоном:

— Яньянь, посмотри на меня.

Малыш, привлеченный его тоном, поднял на него свои влажные глаза, в которых отразился его силуэт.

— Яньянь, я твой папа. Шэньшэнь — твой старший брат, а Чэнчэн — твой второй брат. Мы — одна семья, понимаешь?

Цзи Яньянь принялся загибать пальчики, что-то шепча себе под нос:

— Как много у меня в семье людей.

Цзи Чжицю, видя, что тот не понял главного, потер его щеку.

— Папа может дать тебе отцовскую любовь, а братья — братскую. Тебе повезло больше, чем другим детям, у тебя есть еще два человека, которые тебя любят. Разве это не здорово?

Цзи Яньянь замер. Он уже немного разобрался в цифрах и, конечно, понимал, что три больше

одного.

Глядя на его растерянное лицо, Цзи Чжицю с улыбкой погладил его по голове.

С этим делом торопиться нельзя. Только если он сам станет хорошим отцом, он сможет правильно направить своих троих детей.

До встречи оставалось еще немного времени. Он попросил соседку присмотреть за Цзи Яньянем, а сам, уладив все дела, отправился пораньше, чтобы купить подарок для Цзи Цзышэня.

Положив подарок в бумажный пакет, он поехал на велосипеде к школе. К его приезду у ворот уже собралась плотная толпа родителей.

Школа проводила неделю военно-патриотического воспитания для учеников с третьего по шестой класс на учебной базе. Сегодня они возвращались, и родители, не видевшие своих чад целую неделю, с нетерпением ждали их.

Три больших автобуса стояли в ряд, но без каких-либо опознавательных знаков. Цзи Чжицю никак не мог понять, где искать, и, встав на цыпочки на ступеньках, принялся оглядываться по сторонам.

***

Цзи Цзышэнь стоял в последнем ряду строя. С аккуратно повязанным красным галстуком, миловидный и послушный, он был именно тем типом учеников, которых обожают учителя.

Помогши учителю с переключкой, он подошел к одноклассникам.

На самом деле он презирал этих тепличных цветочков, выросших под защитой родителей, и не горел желанием с ними дружить. Но в классе его все любили, и на любых голосованиях он неизменно занимал первое место.

В том возрасте, когда другие дети были еще наивны и беззаботны, Цзи Цзышэнь уже умел выстраивать полезные связи. Он намеренно сближался с детьми из обеспеченных семей, рассчитывая в будущем получить от этого выгоду.

Несколько детей, смеясь и болтая, вышли из автобуса. Родители одного из мальчиков, несмотря на занятость, специально выкроили время, чтобы встретить его. Мать с нежной улыбкой, отец с заботой во взгляде — они стояли вместе и махали сыну.

Цзи Цзышэнь увидел, как у того мальчика заблестели глаза. Он радостно подбежал и бросился

в объятия родителей. Какая трогательная картина.

На лице Цзи Цзышэня играла улыбка, но уголки губ презрительно скривились, а в глазах не было ни тени эмоций — лишь холодное безразличие. Он давно перестал мечтать о таких иллюзиях.

Он молча пошел вперед, обдумывая, как будет разбираться с двумя идиотами, ждущими его дома, но, сделав всего шаг, почувствовал, как кто-то хлопнул его по плечу.

Один из его друзей с сияющим лицом посмотрел на него:

— Цзышэнь, твой папа приехал за тобой.

Цзи Цзышэнь на несколько секунд замер. Слово «папа» было для него настолько чужим, что он не сразу понял, о ком идет речь.

Друг, видя его растерянность, решил, что тот его не заметил, и с улыбкой указал направление:

— Да вон же он!

Цзи Цзышэнь инстинктивно повернул голову и увидел совершенно неожиданную для себя фигуру.

Хотя Цзи Чжицю и усыновил его, в его сердце был только тот глупый, избалованный сорванец. На него же он никогда не обращал внимания. И вот теперь он приехал, чтобы встретить его!

Цзи Цзышэнь никак не мог понять причину и застыл на месте.

Он видел, как Цзи Чжицю растерянно оглядывается по сторонам, и вот их взгляды встретились. В этот момент Цзи Цзышэнь по какой-то причине напрягся, а на его лице промелькнуло что-то неестественное.

Но Цзи Чжицю, словно не заметив его, снова отвел взгляд, уставившись на учеников позади.

Его друг, наблюдавший за этой сценой, удивленно спросил:

— Цзышэнь, почему твой папа на тебя не смотрит?

Цзи Цзышэнь сжал руки в кулаки. Он не ожидал, что Цзи Чжицю, впервые приехав встретить его, сделает это, чтобы унижить.

— Он... он, наверное...

Маска, которую он носил так долго, была безжалостно сорвана. Он покраснел. Несмотря на всю свою зрелость, он все еще был ребенком и не смог сдержаться. Быстро попрощавшись с другом, он решительно направился к Цзи Чжицю.

По пути Цзи Чжицю еще раз взглянул на него, но снова быстро отвел глаза.

Только когда он встал прямо перед ним и они несколько секунд смотрели друг на друга, Цзи Цзышэнь увидел, как глаза Цзи Чжицю медленно расширяются от крайнего удивления.

Отец и сын не виделись неделю, и первыми словами Цзи Чжицю были:

— Ты чего такой низкий?!

Цзи Цзышэнь: «...»

Цзи Чжицю перерыл весь телефон и все фотоальбомы, но из-за своей вопиющей предвзятости он не сделал ни одной фотографии старшего сына. Ему оставалось лишь ориентироваться на книжное описание. Он долго стоял на цыпочках, высматривая его, но дети расходились, а его сына все не было. Он уже начал паниковать, думая, что случилось что-то плохое, и весь взмок от волнения.

Наконец, среди учеников третьего класса он заметил невысокую фигурку ростом с первоклассника. Он подумал, что это младший брат пришел встречать старшего, и, взглянув пару раз, не придавал этому значения. Кто бы мог подумать, что это и есть его старший сын!

Он был так потрясен, что невольно выпалил то, что думал, и смерил Цзи Цзышэня взглядом, полным недоверия.

Цзи Цзышэнь же понял его неправильно. Он решил, что Цзи Чжицю настолько презирает его, приемьша, что решил унижить его на глазах у всех.

Он смущенно закусил нижнюю губу и, по привычке натянув улыбку, сказал:

— Папа, я хочу попрощаться с друзьями.

Цзи Чжицю кивнул.

— Хорошо, я подожду тебя там. Если хочешь еще поиграть с ними, можешь остаться.

Цзи Цзышэнь отвернулся, и милая улыбка медленно сползла с его лица. С каменным выражением он подошел к друзьям и завел с ними ничего не значащий разговор.

Он намеренно тянул время, ожидая, когда у Цзи Чжицю лопнет терпение. Наконец, он снова поднял голову, но неожиданно заметил в углу знакомую фигуру. Тот стоял к нему спиной и вдруг поднял руку, сделав странное движение.

...Движение это до странности походило на пощечину самому себе.

<http://bllate.org/book/13428/1195566>